

3. Кьеркегор С. // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. С. 708–734.
4. Фихте Г. // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. С. 197–242.
5. Lahav R. (2016). Stepping out of Plato's Cave: Philosophical Counseling, Philosophical Practice and Self-Transformation, 2 ed. Hardwick, Vermont: Loyev Books.

Sergey V. Borisov

PHILOSOPHICAL CONTEMPLATION IN THE DAILY LIFE: ACHIEVING OF INTERNAL DIMENSION

Abstract. The article examined the main characteristics of philosophical contemplation as a method of philosophizing, as well as the experience of philosophical self-knowledge in accordance with the main characteristics of philosophical practice of existentialism on the example of «philosophical confession» by N.A. Berdyaev. According to this philosophical practice, in order to truly be a human, one should not be in a state of emotional relaxation, but, on the contrary, one should have mental tension, the desire towards a significant goal and a freely chosen task.

Key words: philosophizing, philosophical contemplation, existentialism, self-knowledge, N.A. Berdyaev.

УДК 177

Е.Н. Болотникова

МЫ ВСЕ В ЗАБОТЕ ПОСТОЯННОЙ: ОБЛИКИ ЗАБОТЫ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. На основе принципа онтико-онтологической дифференциации, по М. Хайдеггеру, в статье выделяется два режима существования заботы. В онтической проекции забота проявляется в сферах педагогики, медицины и политической власти. Предложены метафоры для понимания заботы, и выделены ее специфические черты.

Ключевые слова: забота, онтология, медицина, лекарство, население, правительственность, педагогика, парресия.

Проблематика заботы в последние десятилетия буквально захватывает российский интеллектуальный дискурс. Количество конференций и выхо-

дящих из-под пера самых разных специалистов публикаций по теме заботы оставляет впечатление, будто это некая новая универсалия, поле, которое открыто совсем недавно и где надеются получить благодатные всходы из любых семян. Такое видится вполне возможным, интуиция редко подводит высоких профессионалов, однако хотелось бы большей ясности в вопросах о том, что такое забота, каким образом она возможна и на каком фундаменте держится.

На наш взгляд, в первую и главную очередь поле заботы – это поле философии, и открыто оно было М. Хайдеггером в «Бытии и времени» в начале XX в. С тех пор вопрос о том, что представляет собой забота, решается в самых разных аспектах. Педагогика, психология, медицина, этика, социальная теория, экология – интеллектуальный дискурс говорит о ней, опираясь на специфические черты собственных практик. Вместе с тем понятие «забота» не стоит в одном ряду с «бытие», «истина», «трансцендентальный», то есть не выглядит термином со сложной историей и содержанием, требующим дополнительных объяснений и коннотаций. Каждый из практики собственной жизни отличает заботу от равнодушия и безразличия, чувствует ее проявления к себе со стороны мира и обращается к ней в мотивировании собственных действий. Это «самопонятность» заботы ставит ее в один ряд с любовью, тревогой, страхом, волнением, вниманием. Такая сложная атрибуция понятия забота вызывает к необходимости прояснения. Как пишет В.В. Библихин: «Вся актуальность философии в том: она что-то делает с нами, говорит важное, единственным образом касающееся самого нашего существа, хочет открыть нам нас, чтобы мы нашли себя» [1, с. 11]. И следовательно, раз так много говорится о заботе в современной философии и культуре в целом, то, должно быть, она говорит нам что-то важное для нас самих и о нас самих. Попробуем ответить на этот вопрос в строгой логике философской мысли.

Определение, данное М. Хайдеггером, следующее: «...вперед-себя-уже-бытие-в-(мире) как бытие-при (внутримирно встречном сущем)» [9, с. 222]. Отдавая дань сложности языку немецкого мыслителя, отметим, что это определение дается в тексте, где одним из ключевых принципов является онтико-онтологическая дифференциация. Последнее означает, что, разбирая заботу, следует исходить из двух возможностей ее развертывания: онтологической, бытийной и онтической, проявленной, феноменологической. Автор специально указывает: «Исключена из этого значения остается всякая онтически взятая бытийная тенденция, как озабоченность соотв. беззаботность» [9, с. 222]. Отсюда представляется логичным, что, дискурс гуманитарных дисциплин и практических исследований располагается в поле онтического, а собственно фундамент, объединяющий многообразие возможных раскрытий заботы, образует онтология.

В поле фундаментальной онтологии Хайдеггер соотносит заботу с ужасом, истиной, волеием, совестью, сопротивлением, временем, называет

ее фундаментальным экзистенциалом, условием возможности существования всех остальных экзистенциалов. Он утверждает, что забота — это умение устоять открытым в открытости бытия [8, с. 31]. Она есть то, что организует и сохраняет цельность и целостность бытия присутствия.

Забота случается как разовый акт, она всегда конкретна, точечна, здесь и сейчас именно в этом действии свершается и вместе с тем предполагает в самой себе продолжение, пробрасывание во времени вперед, некий «заброс» в будущее. Однажды начав о чем-ком-либо заботиться, индивид обретает в этом деле точку приложения собственных сил, а объект уже не может сохранять прежнее состояние, он преобразован ею. Так получается замкнутый круг: позаботиться о чем-либо однажды — значит взять это на себя, сделать в определенном отношении «своим» навсегда. Не столько волшебство «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери настаивает, сколько социальный дискурс требует этого — например, в отношении экологии, здоровья, культуры, стиля жизни, экономического благополучия, в судьбах учеников, больных, подзащитных. При этом речь не идет о присвоении, экспроприации, захвате, подчинении объекта заботы. Забота в ее подлинном значении занимается вовсе не переделкой мира под удобство того, кто ее проявляет. Фундаментальная забота состоит в том, чтобы удержать объект в бытии самим собой цельным, целостным и одновременно открытым. Древняя легенда, к которой апеллирует Хайдеггер, показывает именно такую позицию. Забота, подняв кусок глины с земли и назвав его человеком призвала на помощь Юпитера, давшего дух этому кому глины. Спор о том, кому принадлежит человек, рассудил Сатурн, после смерти тело будет возвращено Земле, откуда взято, дух — Юпитеру, а пока жив человек — он в руках Заботы [9, с. 228–229].

Двойкий смысл термина *siga* («забота») — «тревожная хлопотливость и тщательность, преданность» [9, с. 229]. В этом ракурсе она уже выглядит человекообразной, обретает онтическую проекцию. Хлопотливость, суетность, многозадачность, беспокойство, тревожность накладываются и образуют сложное переплетение с размеренностью, продуманностью, стремлением к аккуратности, тщательностью, постоянством, преданностью, прилежанием. Как проявляются эти свойства заботы в конститутивных для человека сферах бытия? Каков феноменальный абрис этих свойств? Имеются ли эти черты заботы в современной социальной действительности, в областях, имеющих для индивида системообразующее значение? На наш взгляд, области политики, медицины и педагогики могут представить обширное поле для аналитики того, как воплощается забота. Существование индивида от античности и до наших дней неразрывно связано с образованием, организуется политическими принципами и находится в связи с медициной. Эти сферы онтически воплощают заботу о духе, теле и целостном существовании индивида.

Поразительным образом это требование тщательности постоянства одновременно с тревожной хлопотливостью открывается в медицине. Так,

К. Дернер в работе «Хороший врач» вслед за Ф. Ричем утверждает, что необходимо определить заботу как истинную цель и истинный смысл медицины [2, с. 43]. Начиная с Гиппократов известно, что «хорошими врачами названы те, «которые создают для себя заботу из страданий других людей» [2, с. 45]. Фундаментальное двойное значение заботы в медицине лучше всего раскрывается историко-лингвистически: с одной стороны, это горе, скорбь, болезнь, беспокойство, страх, мучительная мысль, которая проявляется и одолевает кого-то, приводя к беде (модус тревожной хлопотливости); с другой стороны, «это забота, которую я принимаю на себя в отношении другого лица, находящегося в беде... я буду выполнять эти обязанности... заботливо, тщательно, рачительно, но и с особой шепетильностью, то есть внимательно, точно, но прежде всего – бережно» [2, с. 45–46] (модус тщательности, преданности). Казалось бы, развитие техники и технологий в медицине, тотальность опосредованных коммуникаций в современном обществе, распространение узких специализаций в сфере здоровья должны приводить к радикальным сдвигам в работе врача. Однако, как справедливо отмечает Дернер, константами в медицине по-прежнему остаются позиции врача и больного. Первый обладает определенным набором знаний, умений, навыков, опыта, который даже, возможно, превратился в мудрость, а второй обращается к нему, будучи бессилем справиться с наступившим в результате болезни неестественным для себя состоянием, обращается для восстановления нарушенной целостности собственного существования. И тогда технологии, приборы, должностные инструкции выступают как средства, составляют лишь рамки, описывают абстрактную ситуацию, составляют потенциал помощи, но не ее саму. Чтобы помощь пришла, доктору необходимо занять то, что Дернер называет «основная позиция». «Другой, Чужой, находящийся в беде, появляется на моем пути и заставляет меня спросить себя, сделать вызов, предъявить себе требования, на которые сам себе же должен дать ответ в виде заботы о его заботе, которую я принимаю на себя, разделяю с ним, делаю нашей общей заботой, заботясь о нем или для него, отдаю себя в его распоряжение, вступаю за него, при том заботливо и тщательно, вплоть до проявления необходимого любопытства, внимательно, то есть с вниманием – к чему? – к невысказанному достоинству Другого, Чужого, которое не может быть высказано, так как не подлежит дефиниции» [2, с. 46].

На наш взгляд, метафорой заботы в медицине может служить лекарство. Оно действует в интересах больного и при этом остается самим собой, длительность приема такого лекарства, как «забота», соответствует длительности жизни индивида. Если сначала, после обращения нуждающегося в помощи «забота – лекарство» имеет задачу восстановления естественного для индивида состояния, то в дальнейшем его задачей становится поддержание возвращенного состояния. Содержание конкретного лекарства, которое использует больной, может изменяться в зависимости от динамики состояния, например, нуждающийся меняет стиль жизни, культуру

питания, привычки и проч., то есть изменяются формы «заботы – лекарства», но отказаться от него в дальнейшем он уже не сможет. Универсальная «забота-лекарство» не имеет химического состава и срока годности, ее нельзя выписать по рецепту, ее не продают в аптеках она не зависит от конкретного заболевания, наличия препаратов, технологической оснащённости и проч. «Забота–лекарство» – такой феномен, который преобразует жизнь индивида, воссоздавая и поддерживая нарушенную болезнью целостность и цельность, и удерживает их. Эту универсальную форму прописывает доктор, но практикует индивид самостоятельно. При этом «хороший врач» – тот, кто занимает названную основную позицию: заботясь о больном, он не присваивает больного себе и не приспособливает его к себе, а уважает Другого в его отличии от себя и принимает ответственность на себя в формировании этого универсального лекарства. Итак, метафорой заботы в медицине мы видим лекарство.

В отношении педагогики яркий абрис того, что составляет забота, даёт М. Фуко в «Герменевтике субъекта». Забота определяется через главную цель образования. Не отдельные ветви – обучение и воспитание – навыки, знания, умения, поведение, отношение, а в целостности – образование себя – вот что составляет цель различных образовательных практик. Это и есть предмет хлопот, тревог, требующий тщательного разыскания. Вопрос о том, что такое это «себя», один из самых сложных. Для того чтобы задать его, требуется наставник (каковым выступил Сократ для Алкивиада в соответствующем диалоге), а уж в деле поиска самого себя без наставника просто не обойтись. Фуко отмечает, что к концу античного периода истории, примерно около V в. н. э. выбор наставника лежал на плечах ученика [5, с. 428–443]. Руководствоваться в выборе надлежало правилом: будущий наставник должен совмещать две способности, в которых его «себя» проявляется непротиворечиво. Это практикование парресии и забота о себе.

Парресия – это такая разновидность речи, шире, вербальной деятельности, при которой «говорящий устанавливает специфические отношения с истиной посредством искренности, определенные отношения с собственной жизнью посредством опасности, особые отношения с собой и другими людьми посредством критики (самокритики и критики других) и специфические отношения с моральным законом посредством свободы и долга» [6, с. 168]. Отметим, что это не просто перформативное высказывание (в смысле Дж. Серля), обязывающее к делу слова. Но это такая речь, что собирает в себе все названные свойства и при этом не скрывается за красивой занавесью слов, за фигурами изысканного ораторского мастерства, не приносит политических дивидендов и не апеллирует к юмору или иронии. Это конститутивная и не отменяемая для индивида речь, в которой он самого себя одновременно выкристаллизывает и предъявляет миру. Пожалуй, что лозунгом, девизом парресейной речи будет «Не могу не сказать». В этой речи – простота (прямодушие), искренность, мужество и долг.

Очевидно, что парресийная речь не формируется без тревоги, хлопот о подлинности собственного бытия и его тщательных, старательных поисков.

Забота о себе, к которой должен быть способен наставник, а в дальнейшем и ученик, согласно М. Фуко, имеет четыре компонента: этическая субстанция, модус подчинения, аскетические практики и телос [7]. Каждый из них наполняется соответствующим содержанием в те или иные исторические этапы общественной жизни и в существовании отдельного индивида. Забота о себе выступает структурой, в которой индивид конструирует себя, автономия достигается здесь не изоляцией, а через гетерономию. Другими словами, созидание себя не производится в безвоздушном пространстве чистых эйдосов или трансцендентального субъекта, как и не увязает в бесконечных отражениях лакановских образов, но осуществляется в конкретных социальных ситуациях, воплощается в действиях и практике придания значений действиям с самим собой.

Разбирая античные практики заботы о себе, Фуко неоднократно упоминает образ волчка как такого символа, который отражает суть этого процесса. Волчок крутится в силу того, что на него влияет внешний импульс, именно такую роль играл наставник. Исследователь В.К. Пичугина, опираясь на многочисленные античные и раннехристианские источники, упоминает метафору «зеркало» по отношению к заботе о себе, адекватную для софистических практик образования. В логике М.М. Бахтина это система наведенных друг на друга зеркал, одним из которых был ученик, а другим — наставник [4, с. 60]. Еще она значимая метафора — лекарство, применяемое к душе, либо к телу, прием которого — дело, сопряженное жизни. Исправляет тело и душу, освобождает от страстей и ненужных забот и хлопот, суетливости, тревоги, оставляя тщательность и постоянство, на чем настаивал еще Сенека.

Итак, в педагогическом дискурсе античности забота — все та же суга, тревожная и постоянная, она не тождественна эгоизму, ей следует учиться и учить, она связана с наставничеством и образованием индивида как самостоятельного целостного существа, касается и тела, и духа, выражается в единстве двух начал — заботы о себе и парресийной речи. Метафорами заботы в педагогике служат «лекарство», «волчок», «зеркало».

Думается, что и современная образовательная практика во многом воодушевляется названными характеристиками. Актуальный педагогический словарь ориентирует: индивидуальная образовательная траектория, выработка компетенций, а не трансляция знаний, умений и навыков, воспитание в ценностях гражданского самосознания и социально ответственного поведения, *long-life learning* и др. Каждый из этих элементов предполагает, во-первых, беспокойство, некоторую тревогу индивида о самом себе, поиск своего «я»; во-вторых, осуществление этого самоопределения в течение всей жизни (постоянство); в-третьих, обретение или создание средств самовыражения, высказывания себя в какой-либо форме. Таким образом, анализ античных педагогических практик в перспективе заботы не от-

даляет нас от понимания современного образования, а показывает его в новом свете.

Социальный дискурс в отношении заботы сопрягается с проблематикой власти. Традиция увязывать их вместе уходит корнями в мифологическое прошлое культуры и сохраняется в повседневности, в обыденном сознании современников. Интеллектуальную работу по открытию этой связи проделал М. Фуко. Он пишет о «правительности» как специфической форме управления поведением и сознанием людей, которая пришла на место пастырской власти в виде власти министерской, называя ее «*управлением через свободу и лишение свободы*» (курсив мой — *Е.Б.*) [3, с. 11]. Отметим, что правительность не тождественна государству, совокупности бюрократических аппаратов и процедур, а включает в себя, помимо них, и контрповедение, варианты оппозиционных форм действия. Своим позитивным эффектом правительность имеет специфический объект управления — население. Телеология правительности в форме государственного интереса тождественна телеологии населения и включает в себя «процветание, здоровье и безопасность» [3, с. 23]. Заботясь о том, чтобы у населения имелись в наличии эти три условия существования, правительность на полную мощность включает индивидуальный режим «заботы о себе» и подкрепляет это работой полиции. Логика следующая: если государственный интерес совпадает с интересом индивида, то он с неизбежностью подключает все свое воображение, творчество, фантазию и ресурсы и заботится о них сам. В результате усилия министерств сводятся лишь к изысканию способов, которыми можно было бы подключить индивида к заботе о себе в максимальном режиме.

В этой идее мы находим подтверждение тезиса М. Хайдеггера: «...выражение “забота о самом себе” в сопоставлении с заботливостью как заботой о другом есть *тавтология*» (курсив мой. — *Е.Б.*) [9, с. 358]. Правительность, управляя населением, декларирует цели одновременно общие и индивидуальные, для всех и для каждого значимые. Таким образом, то, что составляет предмет тревоги, доставляет хлопоты, требует постоянного внимания, оберегания и контроля со стороны правительности, есть самость (индивида и/или населения) и условия ее осуществления — процветание, здоровье и безопасность.

Представляется, что соответствующей метафорой для заботы в сфере политики может служить навигатор. Фокус в том, что этому «навигатору — заботе» можно задать любую из объявленных целей в качестве конечной, выстраивать и менять маршрут, следовать ему со своей скоростью, отклонения от пути будут исправлены, а новые маршруты предложены с расчетами необходимого объема усилий в дополнение. Задавать и менять цели в подобных случаях могут как индивиды, так и органы власти в целом, смещение интересов поведения поведением очевидно даже в практике последних 20 лет в России. Приоритет отдается сначала безопасности (конец 90-х — начало 2000 гг.), затем речь активно ведется о процветании, в последние годы — о здоровье. Динамика предметов заботы создает эффект соци-

ального движения, прогресса, эффективности власти, полноты и обеспеченности существования. Движение социального дискурса между процветанием, безопасностью и здоровьем задается общими условиями отправления власти, индивидуальными предпочтениями, однако далее заявленных «реперных» точек маршрут не выстраивается. «Забота – навигатор» выдает пределы достигаемости в ответе на вопрос, зачем, почему, как свершается то или иное действие, объявляется призыв и проч. Этот режим позволяет одновременно сохранять индивидуальность и солидарность, общность с другими, чьей свободой также управляют; дарует иллюзию автономности и самодостаточности одновременно с адекватной социальной ориентировкой.

Таким образом, многоликая забота проявляет себя в ключевых для существования индивида областях социальной действительности – медицине, образовании и политике (ряд можно продолжить). Забота обнаруживается как действующая сила, как цель, как условие возможности действия. Ее метафорический ряд составляют зеркало, волчок, навигатор, лекарство. Помыслить человека, существующего вне заботы, можно, только фантазируя, как когда-то Гоголь: «...пожалуй настоящей-то жизнью будет бездумно вскочить утром с постели, беззаботно отплясать трепака и в таком ключе провести целый день» [1, с. 110]. Должно быть, уйти от рецепции заботы, будь то в облике теорий или в метафорическом абрисе, уйти от тревожной хлопотливости и одновременно от тщательности, преданности в поиске себя не удастся никому.

Библиографический список

1. Бибухин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
2. Дернер К. Хороший врач: учебник основной позиции врач. М.: Алетейа, 2006. 544 с.
3. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГ, 2016. 592 с.
4. Пичугина В.К. Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике. М.: АСОУ; Калуга, ООО «Ваш ДомЪ», 2014. 180 с.
5. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007.
6. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2. С. 159–262.
7. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С.135–159.
8. Хайдеггер М. Введение к «Что такое метафизика?» // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступ. М.: Республика 1993. С. 27–36.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

WE ALL ARE IN CONTINUOUS CARE: CARE IN CONTEMPORARY DISCOURSE

Abstract. Two modes of existence of care are distinguished on the basis of the principle of ontological-ontological differentiation (M. Heidegger). The care is manifested in the fields of pedagogy, medicine and political power in the ontological projection. The metaphors are proposed for understanding care, its specific features are highlighted.

Key words: care, ontology, medicine, remedy, population, power, pedagogy, parresia.

УДК 141.201

Т.В. Филатов

ВЫЗОВ С «ТОГО СВЕТА»: ОПЫТ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье переосмысливаются традиционные представления о загробном мире и о жизни после смерти. Автор выдвигает концепцию, согласно которой не мертвые продолжают свое существование в каком-то ином мире, а живые оказываются в пограничной ситуации отсутствия каких-либо экзистенциальных перспектив. Иными словами, человек еще не умер, но уже не жив. При этом жизнь после смерти характерна не только для человека, но и для народов, культур, государств, видов деятельности.

Ключевые слова: загробная жизнь, точка невозврата, болезнь к смерти, социальный коллапс, необратимость катастрофы.

Представления о загробной жизни являются неотъемлемой частью многих культур, что делает их объектом философского анализа, как правило, религиозного, культурологического или информационно-исторического. В отечественных научных журналах разного профиля до сих пор появляются исследования, например, о концептуализации загробной жизни в античной культуре [1], особенностях иудео-христианских представлений о загробной жизни [2], представлениях о смерти и бессмертии в архаических цивилизациях [3], мире сакрального в культуре Древнего Египта [4] и т. п. Издаются монографии, посвященные представлениям о загробной жизни [5; 6].